

чительной особенностью всей этой группы челобитных, посланий и писем царям XVII в. является преобладание личной темы.

Но, по-видимому, в XVII в. возникает и новая разновидность посланий царям, в которых эта тема сочетается с более важной общественной, государственной темой. Особенно характерно это для старообрядческих челобитных и посланий царю, в которых вопросы о вере подавляют все остальное, и поэтому не всегда ясна роль вкрапленных сведений и рассказов авторов о себе.

Например, справщик Сенька Васильев в челобитной царю самого начала 1600-х годов подробно разбирает нововведения в печатных книгах. Эти разборы перемежаются автобиографическими замечаниями и отступлениями: «С сорок лет есьми убогой аз был у ваших государевых дел...», «а как был на вашей государеве службе в Сибири в Тобольску з бояры и воеводы, дьячишком две перемены 6 лет, и тамо будучи, не мало вам, великому государю, добра делал...» и т. п.⁵ Оказывается, перед нами знакомая ситуация: Сенька, осуждая никоновские изменения в церковных книгах, не забывает и о себе лично, стремясь опровергнуть возведенную на него клевету, что он недобросовестен и «грамматического учения будто не умеючи».⁶

То же сочетание общественной и личной тем наблюдается в челобитной Лазаря, посланной царю из Пустозерска в 1668 г. Кроме общественной, главной цели — обличить никониан, Лазарь имел и личную цель — оправдаться перед царем, так как он считал, что его оклеветали: «... меня ко тебе, царь, и в мир ложью огласили», «клеветаша на мя всяко ложно». Поэтому излагаются эпизоды из его жизни, показывающие его стойкость и правоту: «А мы держим святая книги и закон прародителей твоих... и аще мы таковыя держаще, и того ради мучимы есмы всяко и казними, в тесных темницах затворены, а хлеба дают нам по полутора фунта на сутки, да квасу нужна, — ей, ей, и псом болши сего метають! — а соли не дают; а одежишка нет же, ходим срамно и наго...» и пр.⁷ Интересно, что в дословно сходной челобитной Лазаря того же года, посланной патриарху Иосафу и посвященной только обличению никониан, но не личным оправданиям, биографических фактов уже нет.

Личная цель заметна и в челобитной Авраамия 1670 г. Хотя челобитная посвящена обличению никоновских реформ и содержит призывы к царю об «умирении» церкви, сюда вставлен живой эпизод о том, как митрополит Павел избивал Авраамия: «И Павел митрополит сего ради моего малого речения, яко зверь распыхался, и не усидел на месте своем, и пришед близ мене, взял мя левою своею рукою за бороду, правую же нача мя по ланитам бити, и збивши с меня на пол клобук, и камилавку, и мантию, и простовласа водя мя за бороду по полате».⁸ Введение подобного рода эпизодов в челобитную на общественную тему объясняется тем, что Авраамий, отличавшийся, как известно, крайним самомнением, намеревался представить себя перед царем страдальцем за веру, новым мучеником. Недаром в заглавии челобитной Авраамий так и назван: «Нового исповедника и страдальца Христова инока Авраамия» челобитная.⁹

⁵ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862, стр. 34, 51—52.

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. IV. М., 1878, стр. 233, 264—265.

⁸ Там же, т. VII, 1885, стр. 267.

⁹ Там же, стр. 259, 261—262.